

**ТЫ
НЕ
ОБЯЗАНА**

Джон Гришем

Джон Гришем

Ты не обязана

<https://litres.ru/74422464>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 5:50 он всегда ставил чайник. Однажды утром чайник закипел без него.

Пятнадцать кружек на пне.

Сандра считает их трижды в день

Однажды утром кружек четырнадцать.

Все на месте. Она видит каждую. Но одной — нет.

В лесу, шестеро держатся за то, что не держит.

К шьёт. Игла входит в брезент — сухо, коротко, — и пока она шьёт, мир не распадается.

А потом К перестаёт дышать. Игла остаётся в её ладони. Нитка — в коре дерева. Звук — в пустой палатке.

И кто-то ходит босиком по снегу. К ручью и обратно. Следы обрываются на границе леса.

На коре пня выцарапано игой: «ТЫ НЕ ОБЯЗАНА».

Если вы ставили будильник на пять минут раньше, чтобы успеть быть нужным. Считали ступеньки, глотки, вдохи — не потому что хотите, а потому что иначе нельзя.

Держали кого-то так крепко, что пальцы побелели, а потом разжали — и услышали тишину, которая не убила.

Откройте. Чайник уже горячий. Кто-то держит кружку с другой стороны.

Содержание

Глава 1. Шесть	5
Глава 3. Камень	23
Глава 4. Расписание	29
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джон Гришем

Ты не обязана

Глава 1. Шесть

Палатка отсырела за ночь. Не промокла — просто стала влажной, как всё вокруг, и теперь отдавала холод обратно, в спину, в плечи, в позвонок, который знал своё место с точностью до миллиметра.

Мэтью лежал, не открывая глаз, и ждал. Три минуты. Иногда пять. Сегодня — две с половиной. Он сел, и спина коротко хрустнула — не позвонок, сустав где-то в рёбрах. Замер. Прислушался к ожогу на правой ладони. Кожа на подушечках стянута, розовая, блестящая. Когда он сжал пальцы, кожа натянулась, как резина перед разрывом. Ожог становился больше. Каждое утро он проверял, каждое утро надеялся, что ошибся. Сегодня — нет. Розовое пятно расплзлось на миллиметр. Может, на два. Он сжал пальцы сильнее — кожа натянулась, побелела по краям. Отпустил. Не посмотрел. Не захотел знать.

Дверь палатки была приоткрыта. Всегда. На ладонь. Не больше, не меньше. Никто не знал, зачем. Может, он сам не знал. Просто оставлял.

Он вышел. Лес встретил его сыростью — воздух стоял

серый, ровный, без направления. Мох под ногами хлюпнул: вчерашний дождь ушёл в землю, но не высох. Мэтью пошёл к центру поляны, где угли ещё дышали, и наклонился над кострищем.

Чайник стоял на камне. Старый, помятый, с чёрным дном. К принесла его в первый день — поставила на землю и отошла. Никто не спросил, откуда он взялся. Никто не спросил, как она здесь оказалась.

Мэтью наполнил чайник из ведра. Вода пахла металлом, ржавчиной. Холод не отпускал. Он поставил его на плиту, повернул вентиль, и синий огонь лизнул дно. Чайник начал дышать. Сначала тихо, потом ровнее — металлический шёпот, знакомый до последней ноты, но не надоевший. Он сел на пень, вытянул ноги, положил пальцы правой руки на колено. Те, что ближе к ожогу, не сгибались до конца.

— Уже?

Он обернулся. Сандра стояла у края поляны, кутаясь в свитер. Лопатки торчали под шерстью, плечи втянуты к ушам. Она переминалась с ноги на ногу, руки в рукавах, подбородок опущен — ждала, но не знала, чего именно.

— Шесть, — сказал Мэтью.

— Двенадцать, — сказала Сандра. — Кружек двенадцать. Или пятнадцать.

Она шагнула к пню. На нём, ровным рядом, стояли кружки. Керамические, разные: одна с отбитым краем, одна с трещиной, одна совсем новая, белая, без царапин. Сандра по-

смотрела на них. Её губы шевелились — она считала. Всегда трижды: утром, днём и перед сном.

— Двенадцать, — повторила она. — Если пришли новенькие, то пятнадцать. Сколько пришло?

— Трое, — сказал Мэтью. — Позавчера.

— Тогда пятнадцать.

Она пересчитала снова. Потом ещё раз. Пальцы её дрожали, когда она касалась ободка крайней кружки. Она не могла не поправить, не могла не выровнять. Даже когда всё было на месте.

Мэтью разлил чай. Пар поднялся над первой кружкой — той, с отбитым краем, её кружкой. Сандра взяла свою, когда он уже начал разливать последнюю.

— Чайник горячий, — сказал Мэтью.

— Я вижу.

Она не сказала спасибо. Не сказала ничего. Он привык. Она отвечала только на вопросы о кружках, о воде, о том, сколько людей. Никогда — о себе.

Из палатки вышли двое. Мужчина с рюкзаком — Итан. Спина прямая, плечи развёрнутые, каждый шаг ровный, одинаковый. Сандра посмотрела на него, потом на свои руки, потом снова на кружки.

— Дрова кончаются, — сказал Итан, подходя к пню.

— Есть ещё, — сказал Мэтью.

— Я видел. Влажные.

Он взял кружку — левую, третью в ряду, ту, что стояла

ровнее всех. Поставил обратно. Не в ряд.

— Мы можем сходить вдвоём, — сказал Итан. — После чая.

— Хорошо.

Сандра переставила кружку. Потом ещё одну. Она не смотрела на Итана, но пальцы её дрожали. Подвинула крайнюю на миллиметр.

— Ты уже помыла, — сказал Мэтью.

— Она не на месте, — сказала Сандра.

Кружка стояла на углу пня. Не в ряду. Она переставила её, провела пальцами по краю, проверяя. Все стояли. Она выдохнула, но плечи не опустились. Остались у ушей.

— Иди сядь, — сказал Мэтью.

— Я постою.

— Ты не спишь.

— Я считаю.

Она не врал. Она считала глотки воды, шаги до палатки и обратно, капли из крана в ведро. Она считала даже во сне — Мэтью слышал её шёпот через брезент.

К вышла из леса. Мэтью не видел, как она пришла — она всегда появлялась тихо, бесшумно, будто деревья расступались сами. Волосы седые, коротко стриженные, мокрые от росы. В руках игла и кусок брезента. Она села на корень у края поляны и начала шить.

Звук иглы — сухой, короткий. Входит в ткань, выходит. Кашлянула в кулак. Один раз. Мэтью заметил, как она убра-

ла руку, сжала иглу сильнее. Её пальцы не дрожали. Никогда.

— Чай, — сказал он.

— Я не пью чай.

— Вода горячая есть.

Он налил воду из чайника в пустую кружку. Пар коснулся холодной керамики, и металл щёлкнул — один раз. К подошла, взяла кружку двумя руками, не сказала спасибо. Села обратно, пила маленькими глотками, глядя поверх кружки на лес.

— Придут ещё, — сказал Итан.

— Придут, — сказал Мэтью.

— Откуда знаешь?

— Они приходят.

Итан хотел спросить ещё, но промолчал. Он смотрел на руки Мэтью, на ожог, на то, как Мэтью держал кружку — двумя ладонями, крепко, костяшки белые. Мэтью не отвёл взгляд. Он знал, что Итан видит всё: каждую трещину в кружке, каждый сдвинутый предмет, каждое неправильное дыхание.

— Если придут, — сказал Итан, — нужны будут кружки. У нас двенадцать.

— Пятнадцать, — сказала Сандра.

— Двенадцать.

— Пятнадцать. Ты не считаешь.

Она не повысила голос. Сказала ровно, как факт. Но пальцы дрогнули. Она взяла кружку, переставила её на другую

сторону пня, потом обратно.

— Я считаю, — сказала Сандра. — Утром, в обед, вечером. Три раза. Если не считать, кто-то уйдёт. Или не вернётся.

Итан посмотрел на Мэтью. Мэтью молчал. Он смотрел на Сандру, на её руки, на кружки, которые она переставляла снова и снова. И вдруг заметил: одна кружка стояла чуть левее остальных. На миллиметр. Может, на два. Она не заметила. Или не хотела замечать. Мэтью не поправил.

— Я принёс новые, — сказал Итан. — Три. В рюкзаке. Прихватил по дороге.

Он достал их. Белые, одинаковые, с одинаковым глянцем на глазуре. Сандра смотрела на них. Губы шевелились — пятнадцать, пятнадцать, пятнадцать. Но пальцы не двигались. Она не могла их поставить. Не знала, куда.

— Поставь где хочешь, — сказал Мэтью.

— Я не знаю, где.

— Любое место.

— Любого места нет.

Она стояла с новой кружкой в руках. Мэтью видел, как под кожей на запястье бьётся пульс, тонкий, быстрый. Она ждала, что он скажет. Что укажет. Что решит за неё. Мэтью отвёл глаза. Сжал челюсть.

— Дай сюда, — сказал он.

Он взял кружку из её рук. Поставил в середину ряда, между треснувшей и белой, старой. Не ровно. Чуть криво. Спе-

циально.

— Так, — сказал он.

— Она не на месте, — сказала Сандра.

— Она на месте. Ты её не видишь.

— Вижу.

— Тогда иди сядь. Чай остывает.

Сандра села. Не на пенё — на мох, сырой, холодный. Кружка в руках остывала. Она не пила. Просто держала — обеими ладонями, пальцы сомкнуты на керамике, будто кружка была последним предметом в мире, который не сдвинулся. Мэтью смотрел на неё и чувствовал, как ожог на ладони пульсирует в такт её дыханию. Или его собственному.

Мэтью стоял у плиты. Не смотрел на группу. Смотрел на пустую кружку в своих руках. Ожог тянул, когда он сжал пальцы — кожа на подушечках цеплялась за керамику. Он думал о том, что будет, если завтра не встать в пять пятьдесят. Если не поставить чайник. Если просто лежать в палатке и слушать, как лес дышит. Они проснутся от тишины.

Он разлил остатки чая в пустую кружку. Металл остывал, чайник щёлкнул ещё раз — когда пар перестал идти. Мэтью поставил кружку на пенё и, не убирая руки, держал ладонь над ней три секунды. Ровно три. Не касаясь. Потом убрал.

Итан отодвинул пустую кружку, поставил в ряд. Ровно.

— Кто сегодня ставит чайник? — спросил он.

Мэтью молчал. Лес молчал. Ветра не было, дым от углей поднимался прямо вверх, в никуда. Итан смотрел на Мэтью.

Ждал. Сандра пересчитывала кружки на пне.

— Пятнадцать, — шептала она. — Пятнадцать. Пятнадцать.

К шила. Игла входила в брезент, сухо, коротко. Мэтью стоял у плиты. Руки пустые. Дверь его палатки была открыта — на ладонь. Он никогда не закрывал её до конца. Чайник остыл. Щёлкнул ещё раз — один. Потом второй. Третий не пришёл.

Сандра вдруг остановилась. Губы замерли на полуслове. Она смотрела на кружки, на пень, на свои руки.

— Четырнадцать, — сказала она.

Тихо. Почти беззвучно. Но все слышали.

Итан повернулся к ней.

— Что?

— Четырнадцать, — повторила Сандра. — Одной нет.

Мэтью перевёл взгляд на пень. Пятнадцать. Все на месте. Он видел. Он считал сам — раз, два, три... пятнадцать. Он видел каждую кружку, каждую трещину, каждый скол. Но Сандра смотрела на него с уверенностью, которой у неё не было минуту назад. В её глазах не было ошибки.

К подняла иглу. Замерла. Не кашлянула. Её пальцы сжались на брезенте, и Мэтью заметил — впервые за три месяца — она смотрела не на ткань. Она смотрела на Сандру. На её руки. На кружки. И в её взгляде было то, чего Мэтью никогда не видел. Знание. Тихое, сухое, как игла, входящая в брезент.

Мэтью смотрел на кружки, на Сандру, на К, на чайник, который остывал. Металл щёлкнул в третий раз. Через долгую паузу. Слишком долгую. Звук был другим — не металлическим, не сухим. Глухим, как удар по мокрому дереву. Как шаг по сырой земле.

Мэтью поднял голову.

На краю поляны, между стволами, стояла фигура. Не человек. Не тень. Серая, расплывчатая, как дым, который не поднимается. Она стояла неподвижно, и Мэтью чувствовал, как воздух вокруг неё густеет, тяжелеет — кожа на предплечьях пошла мурашками, дыхание стало коротким, будто кто-то прижал ладонь к груди. Извне. Изнутри. Одновременно.

Она смотрела на кружки. На пень. На пустое место, где должна была стоять кружка, которой не хватало.

Тишина стала плотнее воздуха.

Фигура не двигалась. Но Мэтью знал: она ждала.

И она уже взяла кого-то. Или что-то. И вернётся.

Он сжал ожог на ладони — кожа натянулась, побелела. И не отпускал. Даже когда боль стала нестерпимой. Пальцы не разжимались. Не могли.

Фигура сделала шаг назад. Один. Второй. И исчезла между стволами.

Сандра стояла, глядя на кружки. Её губы шевелились. Она считала. Снова. И снова. И снова.

— Четырнадцать, — шептала она. — Четырнадцать. Четырнадцать.

Но Мэтью знал: она ошибается.

Или не ошибается.

Кружек было пятнадцать. Он видел. Он считал. Но когда он перевёл взгляд на пень в третий раз, их было пятнадцать. Все на месте. Ни одной не хватало.

И это было хуже, чем если бы одной не было.

Глава 2. Шёпот

Звук пришёл раньше, чем Мэтью понял, что не спит. Металлический шёпот — тонкий, нарастающий, как слово, которое ещё не родилось, но уже шевелит губы. Чайник закипал. Но Мэтью не ставил чайник.

Он лежал, глядя в серый брезент над головой, и слушал. Четыре секунды. Пять. Шёпот становился ровнее, плотнее — вода внутри металла начинала дышать. Он знал этот звук наизусть, до царапины на дне, до звона в крышке. Но сегодня — иначе. Как будто тот же голос заговорил с чужим акцентом.

Мэтью не вставал. Впервые за три месяца. Тело требовало подняться — спина ныла, ожог тянул, пальцы сами сжимались в кулак, готовые схватить кружку. Но он лежал и слушал, как чайник закипает без него. И понял, не открывая глаз, не двигая ни одним мускулом: он не хочет вставать. Потому что если он встанет — он признает, что кто-то может без него. А если кто-то может без него — он никто.

Но шёпот не умолкал. Тело поднялось раньше, чем он решил.

Он встал. В спине щёлкнуло, сухо и коротко. Сапоги нашли ноги, пальцы — молнию палатки. Щель была на ладонь, как он оставил вчера. Он не поправил её. Просто вышел.

Чайник стоял на камне. Пар поднимался не густой, почти прозрачный, и угли дышали ровно, без треска. Костёр разожгли. Чайник поставили. И ждали, пока вода зашумит, — ждали не его.

Мэтью подошёл к пню. Кружки стояли в ряд — пятнадцать. Он увидел их и не пересчитал: просто знал. Двенадцать — ещё с переправы. Три — новые, Итан принёс вчера. Белые, чистые, ни одного отпечатка на стенках.

Чайник закипел. Крышка дрогнула, стукнула о край — металл звякнул. Мэтью смотрел на него и не двигался.

— Ты стоишь.

Голос Итана. Сзади. Мэтью не обернулся.

— Смотрю.

— На чайник?

— На воду.

Итан подошёл ближе. Спина прямая, шаг ровный, одинаковый — сапоги входили в мох с одним и тем же звуком.

— Кто поставил? — спросил Итан.

— Не знаю.

— Ты не знаешь?

— Я спал.

Итан хотел сказать что-то ещё — Мэтью видел, как его пальцы впились в собственный локоть, как напряглась че-

люсть. Но промолчал. Подошёл к чайнику, снял с огня, поставил на камень. Крышка стукнула дважды — когда металл сжался.

— Вода горячая, — сказал Итан. — Наливай.

— Ты налей, — сказал Мэтью.

— Я?

— Ты здесь. Ты стоишь у чайника.

Итан посмотрел на него. На руки Мэтью, на ожог, на пустую кружку, которую Мэтью держал в левой руке. Ничего не сказал. Взял чайник, разлил — пятнадцать кружек, не пролив. Поставил чайник обратно, и металл щёлкнул один раз, остывая.

— Налей себе, — сказал Итан.

— Не хочу.

— Ты всегда пьёшь.

— Сегодня не хочу.

Мэтью сел на пенёк — тот, что рядом с кружками. Не взял ни одной. Положил руки на колени, пальцы правой руки не сгибались до конца. Ожог был розовым, блестящим, и Мэтью смотрел на него, как смотрят на чужую ладонь в автобусе.

— Кто поставил? — спросил Итан снова.

— Я не знаю.

— Ты должен знать.

— Я спал.

— Ты не спишь. Ты всегда просыпаешься в пять пятьдесят.

Мэтью поднял глаза. На Итана, на его пальцы, сжатые в кулак на поясе.

— Сегодня проспал, — сказал он.

— Ты не просыпаешь.

— Просыпаю.

— Нет. Ты встаёшь, когда чайник начинает шуметь. Ты не можешь не встать. Это не привычка. Это... — Итан замолчал, подбирая слово. Не нашёл. — Это как ты.

Мэтью молчал.

Из палатки вышла Сандра. Лопатки под свитером, плечи втянуты, смотрела на кружки — губы шевелились.

— Пятнадцать, — сказала она. — Почему пятнадцать?

— Итан принёс новые, — сказал Мэтью.

— Я знаю.

— Тогда почему спрашиваешь?

— Потому что я считаю. Я всегда считаю.

Она взяла свою кружку — с отбитым краем. Поднесла к губам, но не отпила. Просто держала.

— Чайник горячий, — сказала она.

— Итан налил.

— Итан?

— Да.

Сандра посмотрела на Итана, потом перевела взгляд на Мэтью, на его руки, на пустую кружку рядом.

— Ты не пьёшь, — сказала она.

— Не хочу.

— Ты же всегда пьёшь.

— Сегодня не хочу.

Сандра поставила кружку обратно — не на место, просто в центр пня. Керамика стукнула о дерево глухо, коротко.

— Ты не встал, — сказала она. — Чайник поставил кто-то другой. Ты не знаешь кто. Ты не спросил. Ты просто сидишь.

— Я сижу, — сказал Мэтью.

— Ты должен был встать в пять пятьдесят.

— Не встал.

— Почему?

Мэтью посмотрел на неё. На красные запястья, на ободранные костяшки — она мяла край свитера пальцами, как будто считала нитки.

— Я слышал шёпот, — сказал он. — Чайник закипал. Но это был не мой чайник.

— Чайник один, — сказала Сандра.

— Один. Но шёпот был не мой. Я не ставил. Я слышал, как кто-то ставит, и не встал.

— Ты должен был встать.

— Я не знал, чей это чайник.

Сандра замолчала, смотрела на него. Плечи не опустились, но пальцы перестали мять свитер.

Из леса вышла К. Бесшумно, как всегда. Мокрая от росы — волосы прилипли ко лбу. Игла в руке, брезент на плече. Кашлянула в кулак — коротко, глухо, — и села на корень у края поляны. Положила брезент на колени и начала шить.

Не посмотрела на чайник, не взяла кружку.

— К, — сказал Мэтью.

Она подняла глаза. Не ответила.

— Ты ставила чайник?

К молчала. Смотрела на него.

— Ты? — повторил Мэтью.

Она покачала головой — один раз, медленно. Потом взяла иглу и вонзила в брезент. Стежок. Второй. Третий. Мэтью смотрел на неё и не знал, верить ли. Она не врала — она вообще не говорила. Но пальцы её, когда она шила, были точными, без напряжения. Как будто она сделала что-то важное ночью и теперь просто продолжала.

Итан молчал. Смотрел на Мэтью, на кружки, на К. Пальцы на локте разжались, сжались снова.

— Я ставил, — сказал Итан.

Все повернулись к нему.

— Ты? — спросила Сандра.

— Я проснулся в пять. Не спал. Поставил.

— Ты не ставишь чайник, — сказал Мэтью.

— Ставлю.

— Ты ставишь в пять пятьдесят.

— Сегодня поставил в пять.

— Зачем?

Итан помолчал. Пальцы на локте сжались, потом разжались.

— Я хотел знать, что будет, если не ты.

— И что?

— Ты пришёл.

— Пришёл.

— Ты пришёл на шёпот. Ты не мог не прийти. Ты пришёл, потому что слышал.

Итан замолчал. Подбирал слова, взвешивал каждое на ладони, прежде чем отпустить.

— Ты пришёл, — повторил он. — Но не поставил.

— Не поставил.

— Значит, я прав.

— В чём?

— В том, что ты не можешь не встать. Ты слышишь шёпот — и встаёшь. Но ты можешь не наливать. Ты можешь стоять и смотреть. Ты можешь сидеть и не пить. Но ты не можешь не прийти.

Мэтью поднял пустую кружку, подержал в руке, не глядя, и поставил обратно. Керамика коснулась дерева — тише, чем надо.

— Ты не знаешь, — сказал Мэтью. — Ты не знаешь, что будет, если я не приду. Ты знаешь, что будет, если я приду и не налью.

Итан хотел возразить, но промолчал.

Лес стоял серый, без движения. Дым от углей поднимался вверх. Никто не пил — пятнадцать кружек стояли на пне и остывали. Сандра пересчитывала — шевелила губами: пятнадцать, пятнадцать, пятнадцать. К шила. Мэтью сидел на

пне. Чайник остывал и щёлкал — раз, потом второй, потом пауза, длиннее чем нужно. Третий не пришёл.

Он смотрел на К. На её руки, на иглу. И понял, что не видел её пальцев, когда она шила. Не видел, как она держит иглу. Дрожат ли они — не видел.

Игла входила в брезент ровно, без усилия. К не поднимала глаз.

Мэтью поставил пустую кружку на пень — тихо, не привлекая внимания. Вход в его палатку остался приоткрытым. Он не поправил щель. Чайник остыл совсем, металл перестал щёлкать. Воздух сгустился, стал плотнее брезента.

Итан стоял у костра, плечи прямые, но пальцы всё ещё сжаты.

— Завтра, — сказал он, — чайник в шесть.

— Кто ставит? — спросил Мэтью.

— Ты.

Итан отвернулся и пошёл к палатке. Каждый шаг ровный, одинаковый, но правая рука на секунду дрогнула, когда он проходил мимо пня. Не коснулась кружек — прошла рядом. Как будто хотела поправить, но не позволила себе.

Сандра перестала считать. Просто стояла с пустой кружкой в руке, глядя на остывший чайник.

Мэтью сидел на пне.

К шила. Игла входила в брезент — сухо, коротко.

Она видела, как Мэтью спит. Стояла у его палатки в пять утра, когда Итан уже поставил чайник. И это она поправила

щель — тогда, когда он спал и грудь не поднималась. Об этом не знал никто.

Игла вошла в брезент. К не подняла глаз.

Ночью Мэтью лежал, глядя в щель. Света не было — только серая полоса, в которой ничего не двигалось. Он не спал. Слушал тишину и ждал, что чайник закипит снова — но металл молчал.

Щель потемнела. Чья-то тень закрыла проём. Мэтью не дышал. Тень не двигалась — стояла у входа, ровно на ладонь от его лица. Он видел только силуэт, согнутые плечи, руки, которые лежали на брезенте, но не касались.

Потом тень шевельнулась. Пальцы — тонкие, с мозолями на подушечках — взялись за край брезента и сдвинули щель. Уже. Не на ладонь — на два пальца.

Тень убрала руки и бесшумно отошла. Мэтью не видел лица, но знал: это К. Он слышал её дыхание, то самое, с кашлем, который она прятала в кулак. Она не ушла в палатку — шаги уходили в лес. В сторону ручья. В темноту.

Мэтью лежал, глядя на щель, которая стала уже. Он не поправил её. Не закрыл. Не расширил. Просто смотрел и слушал: тишина становилась плотнее, где-то в лесу хрустнула ветка, вода в ручье шумела ровно, без перерывов.

Чайник не щёлкнул. Но Мэтью знал: завтра он встанет в пять пятьдесят. И не потому что должен. Потому что услышит шёпот. Чужой. Или свой. Или тот, который не знает, чей он.

Глава 3. Камень

Ручей начинался за поворотом тропы, но Сандра знала его по звуку: он шумел ровно, без перерывов, как земля, которая дышит через щель. Она шла босиком, и мох под ногами уже покрывался инеем, иголки впивались в подушечки. Семнадцать шагов до берега. Она не считала — чувствовала спиной. Каждый позвонок знал свой номер.

На восьмом шаге остановилась. Переступила с ноги на ногу. Поправила ритм, который никто не слышит, и пошла дальше.

У воды присела на корточки, поставила ведро на плоский камень и запустила руку в ручей. Холод обжёг пальцы — долго, тягуче, как чужой рот, который не отрывается. Она не отдёнула. Пальцы сами скользнули по дну, нащупывая знакомый край. Камень был на месте.

— Он здесь, — сказала она вслух. Тихо, ровно. Будто проверяла не камень. Себя.

Обвела его по контуру: скользкий, тёмный, с острым краем, который царапал подушечку указательного пальца. Не сдвинулся. Она выдохнула, но плечи не опустились.

И тогда увидела следы.

На мокрой земле, у самой воды. Маленькие, ровные. Пальцы ног чётко отпечатались в грязи — кто-то стоял на берегу, шагнул в воду и исчез. Ни ряби. Ни всплеска. Просто

ушёл.

Сандра не отводила глаз от отпечатков. Вода стекала с её ладоней, капала на них, размывала края. Никто не ходил босиком по ночам. Итан носил сапоги и не снимал их даже в палатке. Лиз — кроссовки. К не разувалась никогда. А новенькие приходили, садились у огня и уходили в лес, не оставляя следов.

Здесь, у ручья, их не было.

Она выпрямилась. Схватила ведро — пальцы побелели на дужке. Семнадцать шагов до поляны. На обратном пути споткнулась на четвёртом. Переступила, попыталась найти ритм заново — споткнулась снова. Шла, не считая, и это было хуже потери счёта. Хуже, чем забыть слово на середине фразы. Хуже, чем вдох без воздуха в лёгких.

— Ты считала.

Хрустнула ветка. Голос Лиз — за спиной, когда Сандра уже выходила к поляне. Она не обернулась. Поставила ведро у костра, вода плеснула через край на мох. Мох зашипел.

— Ты так шевелишь губами, — сказала Лиз. — Будто с кем-то разговариваешь.

Она стояла у своей палатки, сжимая старый термос с вмятиной на боку. Пальцы на крышке замерли. Не крутили. Не проверяли. Держали.

— Я ни с кем не говорю, — сказала Сандра.

— Знаю. Просто... — Лиз замолчала, провела ногтем по вмятине. — Ты всегда так? Считаешь?

Сандра опустила взгляд на свои руки. Запястья красные от ведра, кожа на костяшках слезала. Сложила ладони на коленях, спрятала.

— Надо воду принести, — сказала она. — Ты не хочешь?

Лиз не ответила. Взгляд скользнул по ведру, по воде на краю, по мокрым ногам Сандры.

— Ты боишься воды? — спросила она. Ровно. Но на дне голоса — острё, тонкое, свежее.

— Я боюсь тишины, — сказала Сандра. Три месяца она не говорила ничего, что было бы правдой. Это было правдой. — Когда вода перестаёт шуметь, я не знаю, что делать.

Встала, не глядя на Лиз, пошла обратно к ручью. Считала шаги — не губами. Спинай. Позвоночник отсчитывал: три, шесть, девять. На двенадцатом остановилась. Шаги за спиной.

Лиз. Термос в руке, волосы влажные от росы. Догнала Сандру у воды, встала рядом. Смотрела на ручей, на камень, на следы, которые уже почти стёрлись.

— Что ты там ищешь? — спросила Лиз. Не обернулась.

Сандра молчала. Глядела в воду, на дно. Не знала, зачем Лиз спросила. Не знала, зачем Лиз вообще здесь.

— Камень, — сказала наконец.

— Какой?

— Тот, который не сдвигается.

Лиз наклонилась. Не глядя на Сандру. Опустила руку в воду, провела ладонью по дну — там, где лежал камень. На-

щупала край. Коснулась — так, как касаются чужого шрама.

— Он здесь, — сказала Лиз. — Ты проверила.

Сандра замерла. Она не говорила Лиз про камень. Никогда. Даже не думала о нём вслух.

— Откуда ты знаешь? Голос сорвался на последнем слове.

— Видела, — сказала Лиз. — Ты всегда смотришь в одну точку. На дно. Я думала, ты что-то ищешь. Или ждёшь.

Выпрямилась, стряхнула воду с руки. Термос качнулся, ударился о бедро — глухо, жестяно.

— Я тоже ищу, — сказала Лиз. — Не камень. Другое. Но я знаю, как это. Смотреть в одно место и ждать, что оно не сдвинется.

Сандра смотрела на её руки. Дрожат. Но термос держат крепко, до побелевших костяшек. На её глаза — смотрят на воду, а видят другое.

— Что ты ищешь? — спросила Сандра.

Лиз не ответила. Повернулась, пошла к поляне. Быстро, почти бегом. Термос бился о бедро на каждом шаге.

Сандра осталась у ручья. Камень. Следы, которые почти стёрлись. Вода течёт, не умолкает. Она не набрала воду. Не пошла обратно. Стояла, руки вдоль тела, пальцы пустые.

И тогда услышала.

Тонкое. Высокое. Из леса, не с поляны — с той стороны, где тропа уходила в глубину. Звук, которого не должно быть.

Подняла голову.

Между стволами стоял человек. Лица не разглядеть —

только силуэт в сером свете. Неподвижный. В руке кружка. Не алюминиевая, не керамическая — тень кружки. Он держал её, как пьют. Но не пил.

Сандра не разобрала, кто это. Далеко. Темно.

Шагнула вперёд, к лесу. Остановилась. В горле пересохло, вдох не доходил до груди.

Человек не двинулся. Не ушёл. Стоял и глядел. На неё. На ручей. На следы у воды.

И она поняла: это не кто-то. Это — отсутствие. Промежуток между двумя ударами счёта. То, что забирает тех, кто перестаёт быть.

Не побежала. Пошла обратно к поляне. Не считала шагов. Холод поднимался от земли, и камень на дне ручья — тот, который не сдвинулся, — она больше не проверяла.

На поляне сидел Мэтью. У костра. Не грел руки. Смотрел на свои ладони.

— Ты была у ручья, — сказал он. Не спросил.

Она кивнула.

— Там следы. Босые. Не знаю чьи.

Мэтью поднял голову. Прищурился. В зрачках — что-то новое, чего Сандра за ним не знала.

— Я тоже нашёл, — сказал он. Помолчал. — Верёвку. В лесу. На суку висела.

Показал руки. Пустые.

— Не взял, — сказал он. — Не хочу знать, чья.

Сандра села рядом. Не на него. Не на костёр. На лес. На

серую пелену между стволами.

— Не должен брать, — сказала она. — Но должен знать.

— Что?

— Что кто-то здесь. Или что-то. И оно не уйдёт.

Тишина. И с той стороны, где стоял человек с кружкой,
— звук. Тонкий. Высокий. Плач.

Новорождённый.

Мэтью замер. Сандра перестала дышать. Сидели. Слушали. Звук не мог быть настоящим. Был.

Мэтью понял не сразу. Но понял: Сандра права. Кто-то здесь. Или что-то. И оно знает про камень. Про верёвку. Про счёт.

Звук повторился. Три раза. Коротких. Как укол иглы в подушечку пальца.

Стих.

И в тишине, которая осталась, Мэтью услышал шаги. Ровные. Медленные. К поляне.

Глава 4. Расписание

Мэтью проснулся от тишины. Чайник не шипел. Ни шёпота, ни звона, ни кашля К. Тишина легла на поляну, как мох после дождя — плотно, без зазоров. Он лежал, глядя в брезент, ждал, пока тело вспомнит, что оно ещё есть. Позвонок молчал. Ожог не пульсировал. Только в груди — пустота, как кружка, которую перевернули вверх дном.

Он встал. Сапоги нашли ноги. Молния поддалась с хрустом, и щель — два пальца, К сузила — впустила серый свет, который не грел, но позволял видеть.

Поляна застыла. Итан стоял у пня с ножом в руке, плечи развернуты, спина прямая. Он резал кору. Сырая, тёмная, с белым краем на срезе, смола ещё не застыла, блестела на пальцах, когда он клал кору на плоский срез пня. Нож шёл легко, оставлял ровные борозды. Буквы проступали белые на тёмном, чёткие, крупные.

«ЧАЙНИК: ОЧЕРЕДЬ. ПН — МЭТЬЮ. ВТ — ИТАН. СР — К. ЧТ — ЛИЗ. ПТ — САНДРА. СБ — МАРТА. ВС — ОБЩИЙ.»

Ниже, мельче: «ДРОВА: ПО ДВОЕ. ВОДА: ПО ОЧЕРЕДИ. КРУЖКИ: САНДРА.»

Итан дорезал последнюю букву, провёл пальцем по краям, сдул стружку. Не обернулся. Сказал:

— Теперь все знают.

Мэтью стоял у своей палатки. Смотрел на буквы. На своё имя. Понедельник. Один день. Раньше было семь, каждый день, каждое утро. Теперь — одна клетка в таблице. Пальцы сжались, разжались. Пусто. Он не сказал ничего.

Сандра вышла из палатки, кутаясь в свитер, лопатки под шерстью — острее, чем вчера. Подошла к пню, прочитала. Губы шевельнулись — раз, два, три — считая буквы. Потом остановилась.

— «Кружки: Сандра», — прочитала вслух. — Я не просила.

— Так проще, — сказал Итан. Отложил нож, вытер руки о штаны. — Кто-то должен.

— Я не хочу.

— Ты всегда моешь. Это не новое.

Сандра смотрела на кору. Пальцы дрожали мелко, кончики побелели. Она протянула руку, коснулась букв. Смола ещё липла, оставила след на подушечке.

— Написано моё имя. — Голос ровный. Внутри голоса — ничего. — Я не могу не мыть, если написано. Если не помою — меня не будет.

— Ты и так мыла. Теперь это не вопрос.

Она убрала руку. Повернулась. Пошла к ручью, где ведро уже ждало.

Мэтью глядел ей вслед. Лопатки торчали из свитера, дёргались при каждом шаге, как два локтя, которые не могут сложиться.

Итан отодвинул кору на край пня, повернулся к Мэтью:

— Ты не против? — Ровно. Вопрос, на который он уже знает ответ.

Мэтью смотрел на своё имя. На смолу, которая застывала, запечатывая его роль, его клетку.

— Я ничего не решаю.

— Ты решаешь, когда ставишь. Теперь ты ставишь в понедельник. Остальные дни — другие.

Мэтью ничего не ответил.

К вышла из палатки, села на корень у края поляны, игла в руках. Она не шила — держала иглу на коленях, смотрела на расписание, на своё имя. Среда. Потом на Мэтью.

— Ты не ставишь, — сказала она.

— Нет.

К кивнула. Один раз, коротко.

— Я тоже не шью. Нитки кончились. Руки не знают, куда.

Взяла иглу, провела пальцем по острию. Не укололась. Просто держала.

— Шов не держит, если нитка чужая.

Замолчала.

Лиз вышла позже всех. Термос в руках — старый, с вмятиной на боку, крышка сбита, не держится, но она всё равно крутила, открывала, закрывала. Подошла к пню, прочитала. Задержалась на «ЧТ — ЛИЗ». Перевела взгляд на Итана.

— Я хочу поставить завтра, — сказала. — Не в четверг. Завтра.

— В расписании ты в четверг.

— Я хочу завтра.

— Нет.

Лиз смотрела на него. Пальцы на крышке — открыла, закрыла, открыла. Сбитая резьба скрипела.

— Я не по расписанию.

— Лиз.

— Я ставлю.

Она повернулась к плите, взяла чайник, налила воды из ведра. Поставила на огонь. Зажгла.

Металл начал нагреваться — шёпот, сначала тихий, потом ровнее. Итан стоял, смотрел. Пальцы сжались, побелели на костяшках. Он не подошёл. Не остановил. Только:

— Лиз.

— Я ставлю. Ты не запретишь.

Она стояла у плиты. Руки дрожали, но она не убирала их с ручки чайника. Держала. Крепче, чем нужно.

Сандра вернулась с водой, поставила ведро у костра, села на мох, обхватив колени. Смотрела на кору, на буквы, на своё имя. Губы не двигались.

Итан отошёл от плиты, сел на камень. Прямо. Но правое плечо опустилось. Ниже, чем утром. Ниже, чем вчера. Как верёвка, которую держали слишком долго и отпустили — не порвалась, просто обвисла.

Он не сказал Лиз ничего. Не вырезал новое правило. Смотрел на чайник, который закипал. Не поправлял.

День тянулся. Серый, без дождя, влажный. Мэтью сидел на мху, не у костра, не у плиты. Смотрел на руки. Пустые. Пальцы не знали, что делать без чайника. Сжал в кулак, разжал. Ожог розовый, почти зажил, но кожа тонкая, новая — он провёл пальцем по краю, и она натянулась, грозя лопнуть.

Сандра мыла кружки у ручья — те, что Лиз разлила. Губы шевелились, но не считали. Лиз сидела рядом, термос в руке, не пила. Марта сидела у входа в палатку, смотрела поверх кружки на всех. К не шила — игла на коленях, взгляд в лес.

К вечеру Мэтью пошёл к пню. Глядел на кору, на своё имя. На смолу, которая застыла, впиталась в древесину. Провёл ладонью по буквам — «ПН — МЭТЬЮ». Убрал руку. Пошёл к палатке, не оглядываясь. Сел на спальник, глядя на щель — два пальца, К сузила. Смотрел на серый свет, который просачивался через проём, на пыль в этом свете, на то, как пыль двигалась, когда он дышал.

— Я не выйду завтра, — сказал он тихо. Себе.

Тишина.

— Я не выйду послезавтра.

Он лёг. Не закрыл глаза. Смотрел на щель. На два пальца. На свет, который не менялся. Ночь не пришла — просто свет стал темнее. Он слышал, как Лиз перекладывает вещи в палатке, как Сандра ставит кружку на пень — глухо, коротко, как Итан говорит что-то неразборчивое. Потом — ничего.

Скрип.

Медленный, ровный. Ноготь по металлу. По чайнику.

Мэтью замер. Скрип повторился — дольше, тоньше. Рисунок. Буква. Или линия. Он лежал, не дыша, смотрел в щель. Руки сжались, готовые схватить кружку, чайник, что угодно. Но он не встал. Скрип стих. Шаги — почти беззвучные, по мху. В лес. К ручью. Или от ручья. Он не знал.

Утром он не встал в пять пятьдесят. Не поднялся. Чайник не закипел. Никто не поставил. Тишина была полной, плотной, как шов, который держит, даже когда нитка кончилась.

Мэтью лежал, смотрел в брезент, слушал, как мир молчит. И в этой тишине — шаги. Не с поляны. Из леса. Ровные, медленные. Он поднял голову, взгляделся в щель.

Тень. У входа. Согнутые плечи. Руки потянулись к брезенту, но не коснулись. Пальцы — тонкие, с мозолями на подушечках — взялись за край и сдвинули. Уже. На два пальца. На один. Тень убрала руки. Отошла бесшумно.

Мэтью не видел лица. Знал: К. Единственная, кто не спал. Он лежал, глядя на щель, которая стала уже. Не поправил. Смотрел.

Чайник не щёлкнул.

Но завтра он встанет. Если не встанет он — не встанет никто. А если никто не встанет — чайник не закипит. И тишина станет окончательной.

Глава 5. Три часа

Сандра проснулась от шёпота. Не от голоса. От металла. От воды, которая задышала в темноте. Сначала редко, как вдох через зажатую гортань, потом чаще, ровнее, пока шум

не стал сплошным, плотным, как одеяло, натянутое на голову.

Она лежала, не открывая глаз. Считала вдохи. Свой. Чужой. Металлический. Три. Пять. Семь. Сбилась.

В палатке было темно и холодно. Пахло сырой тканью и землёй. Где-то за брезентом — она знала это каждой мышцей спины — кто-то стоял у плиты. Не Мэтью. Мэтью ставил в шесть. Мэтью ставил, когда небо начинало сереть, когда мох под коленями ещё не успевал прогреться. В три часа ночи Мэтью должен был спать.

Она знала, что не встанет. Не могла. Не потому что тело не слушалось — тело слушалось всегда, тело делало то, что нужно, тело мыло и считало и ставило кружки на полку в три ряда. Не потому что боялась — бояться она умела, бояться было привычно, как глотать горькую воду из ручья. Просто: если она встанет, если выйдет из палатки, если посмотрит на того, кто поставил чайник в три часа ночи, — тогда ей придётся спросить. А спрашивать нельзя. Не спрашивают, почему пришёл. Не спрашивают, кто ты.

Она лежала. Шум нарастал. Металл шипел, вода кипела, кто-то снял чайник с плиты — щелчок, короткий, сухой, как перелом ветки. Потом тишина. Кружка о пень. Глухо. Коротко. Керамика о дерево.

Сандра открыла глаза. В щель палатки просачивался оранжевый свет — угли тлели, костёр почти догорел, но кто-то не стал раздувать, не стал добавлять дров. Заварил чай и

ушёл. Или сидел. Она не знала. Она не выглядывала.

Считала. Свои пальцы. Пять. Подушечки. Красные. Тёплые под одеялом. Семь. Костяшки. Кожа слезает по краям, как кора с мокрого дерева. Девять. Двенадцать. Пятнадцать. Сбилась. Снова.

Утром кружка стояла на пне. Одна. Грязная. На доньшке — тёмный осадок, не чай, что-то гуще, вязкое, как смола. Сандра подошла, взяла. Керамика остыла, пальцы не обожгло. Она держала её в левой руке. Правой провела по ободку — внутри, по краю, там, где чужая губа касалась чужой кружки.

— Ты что?

Итан стоял у палатки. Волосы мокрые — мылся в ручье, или просто роса, не важно. Он смотрел на кружку. На её руки. На то, как она держит.

— Грязная, — сказала Сандра.

— Я вижу.

— Кто-то пил. Ночью.

Итан перевёл взгляд на плиту. Чайник стоял на месте — холодный, остывший, металл успел сжаться и щёлкнуть, наверное, несколько раз, но никто не слышал. Итан подошёл к плиту. Посмотрел на кружку. Потом на неё.

— Ты не спала?

— Спала.

— Слышала?

Сандра промолчала. Он стоял слишком близко, и она видела его руки — широкие, короткие пальцы, мозоли от верёвок. Он сложил их на груди. Один палец — безымянный — постукивал по локтю. Тихо. Ровно. Как счёт.

— Кто мог, — сказала она.

Итан наклонился. Взял кружку из её рук. Держал за край, как держат то, что не своё, но уже не чужое.

— У нас расписание, — сказал он. — Чай в шесть.

Сандра смотрела, как его пальцы сжимают керамику.

— Ты наливал, — сказала она.

Итан не ответил. Поставил кружку обратно на пень.

— Помой, — сказал он. — Нам нужно знать, сколько кружек.

Она стояла, смотрела на кружку, на тёмный осадок на дне, на его руки, которые уже убрали с пня, сложили на груди, замерли.

— Я не знаю, сколько, — сказала она.

— Посчитай.

— Я не знаю, — повторила она. — Там было темно. Я не вставала. Я не смотрела. Я не знаю, сколько их.

Итан молчал. Она ждала — скажет, что это неважно. Ска-

жет, что считать нужно. Скажет, что расписание — это расписание. Он не сказал ничего. Вместо этого развернулся и пошёл к лесу. Шаг ровный, одинаковый. Каждый шаг в шаг. Как будто считает. Как будто не может не считать.

Сандра осталась у пня. Кружка остыла. На доньшке — смола, осадок, след того, кто пил в три часа ночи. Она взяла кружку. Понесла к ручью. Вода была ледяная. Пальцы обожгло через три секунды, но она не убрала руки. Тёрла. Круговыми движениями. Внутреннюю стенку. Край. Там, где следы от чужой губы. Пять. Семь. Девять. Сбилась. Посмотрела на дно ручья. Камень — тот самый, скользкий, тёмный, с острым краем — лежал на месте. Она коснулась его пальцем. Холодный. Твёрдый. На месте.

— Не трогай.

Она вздрогнула. Обернулась. Марта стояла на берегу. Пить воду. Своя кружка — не общая, не из лагеря, принесённая из города, с трещиной по краю.

— Не трогай камень, — повторила Марта. — Он там, где должен быть.

Сандра убрала руку.

— Ты слышала? — спросила она.

— Что?

— Ночью. Чайник.

Марта наклонилась, зачерпнула воды. Выпрямилась. Дер-

жала кружку, не поднося к губам. Смотрела на воду в ней.
— Ты должна знать, — сказала Марта.

— Что?

— Что без тебя тоже могут поставить.

Она ушла. Тихо. Трава под её ногами не примялась. Сандра осталась. Смотрела на мокрую кружку в руках. Чистую. Холод от воды ещё не прошёл до костей, и казалось, что пальцы горят.

Она пересчитала кружки на полке. Утром было пятнадцать. Сейчас — четырнадцать. Одну она держала в руках. Ту самую — грязную — она только что мыла. Ту самую, что кто-то брал ночью. Четырнадцать на полке и одна в руке. Пятнадцать. Она пересчитала. Четырнадцать и одна. Пятнадцать. Снова. Четырнадцать и одна. Пятнадцать.

Руки дрожали. Холод. Или счёт. Или то, что она не знала, кто ставил чайник в три часа ночи, и что это значило, и почему Итан не сказал ничего.

Она поставила чистую кружку на полку. Рядом с другими. Тот же ряд. Тот же порядок. Никто не заметит. Но она знала.

Вечером Мэтью сидел у костра. Пил чай — не горячий, остывший, он ждал, пока сядут все, а когда сели, чай уже был едва тёплым. Держал кружку двумя руками. Смотрел в огонь. Сандра села рядом. На расстоянии руки, которую она могла положить на мох, но не клала.

— Кто ставил чайник ночью? — спросила она.

Мэтью не повернулся.

— Не знаю.

— Ты не слышал?

— Слышал. Но не встал.

Она ждала. Он не добавил ничего. Просто сидел. Смотрел на угли. Пил остывший чай.

— Итан говорит, что у нас расписание, — сказала она.

— Итан говорит.

— Он прав.

Мэтью промолчал. Сандра смотрела на его руки. На ожог. Розовый, не заживший, кожа стянута вокруг, как будто он держал что-то горячее слишком долго. Или не держал, а просто ждал, пока остынет.

— Ты не хочешь знать? — спросила она.

— Что?

— Кто ставил.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если я узнаю, — сказал Мэтью, — мне придётся решать, что с этим делать. А я не хочу решать. Я хочу поставить чайник в шесть.

Он поднял кружку. Допил. Поставил на пень.

— Ты не поставил его сегодня, — сказала Сандра.

— Не поставил.

— Потому что не хотел?

— Потому что кто-то поставил раньше. В три. Я услышал и не встал.

Он смотрел на пустую кружку. Потом на огонь.

— Я не знаю, кто я, если не ставлю первым, — сказал он.

Сандра не ответила. Смотрела на его руки, на ожог, на пустую кружку, на мох под его коленями — влажный, холодный, даже у огня. Потом встала. Пошла к палатке.

На полке стояло пятнадцать кружек. Четырнадцать чистых. Одна — та, ночная, которую она мыла утром — чуть левее других. Она заметила это только сейчас. Сдвинулась на сантиметр. Или не сдвинулась. Может, показалось. Она пересчитала. Четырнадцать чистых и одна чистая. Пятнадцать.

В палатке было темно. Холодно. Пахло сырой тканью. Она легла. Закрыла глаза. Считала. Вдох. Свой. Выдох. Свой.

Три. Пять. Семь. Девять. Сбилась. Снова. Три. Пять. Семь. Девять. Сбилась.

Знала, что не уснёт. Знала, что в три часа ночи кто-то снова поставит чайник. Или не поставит. Или поставит, но не тот. Или тот, но она не услышит. Или услышит, но не встанет. Знала только одно: она не знала, сколько их. Сколько людей в лагере. Сколько кружек. Сколько тех, кто может встать в три часа ночи и поставить чайник, не спросив разрешения.

Она не знала. И пальцы сжались под одеялом так, что ногти вошли в ладонь.

Во вторую ночь, в три часа, тишина была полной. Сандра лежала с открытыми глазами. Ждала шёпота металла. Ждала, что вода начнёт дышать, что кто-то подойдёт к плите, что кружка коснётся дерева. Ничего. Тишина. Только ветер в брезенте. Только собственное дыхание. Она ждала до четырёх. До пяти. До того, как небо начало сереть, а мох под коленями — если бы она встала — был бы влажным и холодным.

Чайник не поставили. Но она знала: это ничего не значит. Кто-то уже поставил. Один раз. И мог поставить снова. Или не мог. Или не хотел. Или хотел, но передумал. Она не знала. И это незнание — того, кто ставит чайник в три часа ночи, — стало хуже, чем если бы она знала. Потому что если бы она знала, она могла бы считать. А так — только ждать. И считать вдохи. Три. Пять. Семь. Сбилась.

Снова сбилась.

Наутро она подошла к пню. Кружек было пятнадцать. Все чистые. Все на месте. Никто не ставил чайник ночью. Или ставил, но не пил. Или пил, но помыл за собой. Она пересчитала. Пятнадцать. Снова. Пятнадцать. Стояла у пня. Смотрела на кружки. Думала о том, кто мог встать в три часа ночи, поставить чайник, выпить и уйти, не оставив следа.

Итан вышел из палатки. Подошёл к пню. Взял свою кружку — левая, третья в ряду, он всегда брал левую, третью.
— Ты считала? — спросил он.

— Да.

— Сколько?

— Пятнадцать.

— Правильно.

Он налил чай. Не спросил, хочет ли она. Просто налил. Поставил кружку перед ней.

— Пей, — сказал он. — Ты не спала.

Она не спросила, откуда он знает. Не спросила, почему он не сказал, что это был он. Она просто взяла кружку. Держала двумя руками. Чай был горячий — слишком горячий, пальцы обжигало через керамику, но она не убрала руки.

— Ты знаешь, кто ставил? — спросила она.

Итан смотрел на свои руки. На пальцы.

— Знаю, — сказал он.

— Скажешь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что если я скажу, — он поднял глаза, посмотрел на неё, и его взгляд был ровным, как счёт, — тебе придётся решать, что с этим делать. А ты не хочешь решать. Ты хочешь считать.

Он допил чай. Поставил кружку на пень.

— Иди спать, — сказал он. — Я поставлю чайник в шесть.

Она осталась у пня. Смотрела на кружку. На горячий чай, который остывал. Знала, что он поставит в шесть. Знала, что расписание — это расписание. Знала, что она будет считать кружки каждое утро. Но она не знала, кто поставил чайник в три часа ночи. И это незнание стало её первой трещиной.

В третью ночь она не считала. Спала. Или не спала. Но не считала. Слышала шёпот металла в три часа ночи. Снова. Кто-то поставил чайник. Не Мэтью. Не она. Кто-то третий. Или тот же. Она не знала. И не встала. Просто лежала. Слушала. Ждала, что кто-то выйдет из палатки. Что кто-то подойдёт к пню. Что кружка коснётся дерева.

Тишина. Кто-то поставил чайник. Кто-то снял его. Кто-

то налил. Кто-то выпил. И ушёл. Она не знала, кто. Она не знала, сколько их. Она не знала, сколько кружек будет утром.

Сбилась.

Утром она пересчитала кружки четырнадцать раз. Пятнадцать. Пятнадцать. Пятнадцать. Никто не исчез. Но кто-топил чай в три часа ночи. И она не знала, кто.

Мэтью молчал. Итан молчал. К кашляла в кулак и шила. Сандра стояла у пня. Считала. Три. Пять. Семь. Сбилась.

И поняла, что если она не узнает, кто ставит чайник в три часа ночи, она не сможет спать. Не сможет есть. Не сможет мыть кружки без счёта. Потому что если она не знает, сколько их — тех, кто может встать и поставить чайник без разрешения, — она не знает, сколько кружек должно быть. А если она не знает, сколько кружек должно быть, она не знает, сколько людей должно быть. А если она не знает, сколько людей, она не знает, кто она.

В четвёртую ночь она встала. Счёт оборвался сам. В три часа ночи. Услышала шёпот металла. Встала. Вышла из палатки.

У плиты стоял кто-то. Спиной. В темноте она не видела лица. Только руки. Широкие. Короткие пальцы. Мозоли от верёвок.

Итан.

Он не обернулся. Снял чайник. Налил в кружку. Поставил на пень. Керамика о дерево. Глухо. Коротко. Потом повернулся. Посмотрел на неё.

— Ты не спишь, — сказал он.

— Я считала, — сказала она.

— Сбилась?

— Да.

Он взял вторую кружку. Налил чай. Протянул ей.

— Пей.

Она взяла. Держала двумя руками. Керамика была горячей — почти обжигающей.

— Зачем? — спросила она.

— Что?

— Зачем ты ставишь в три?

Он молчал. Смотрел на неё. На её руки. На кружку.

— Потому что в шесть я не могу, — сказал он.

— Почему?

— Потому что если я поставлю в шесть, — он сделал паузу, и пауза была длиннее, чем нужно, — это будет значить, что я согласился. А я не согласился.

— С чем?

— С тем, что он должен быть первым.

Она не спросила, кто «он». Не спросила, почему он ставит в три, когда все спят. Просто стояла, держала кружку, смотрела на его руки.

— Ты должен сказать ему, — сказала она.

— Что?

— Что ты ставишь.

— Зачем?

— Чтобы он знал.

Итан допил чай. Поставил кружку на пень.

— Он знает, — сказал Итан. — Он не спит в три часа ночи. Он слышит.

— Почему он не встаёт?

— Потому что он не хочет знать.

Итан ушёл в палатку. Не оглянулся. Сандра стояла у пня. Чай остывал. Она не пила. Просто держала кружку. Смотрела на тёмное небо. На лес. На плиту, где остывал чайник, металл сжимался, готовился щёлкнуть. Раз. Два. Три. В тишине. Она не считала.

Наутро она подошла к Мэтью.

— Я знаю, кто ставит чайник в три, — сказала она.

Мэтью сидел у костра. Держал кружку двумя руками. Чай был горячий — он поставил в шесть, как всегда, как привык, как должен был.

— Ты не хочешь знать? — спросила она.

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что если я узнаю, — он посмотрел на неё, и его взгляд был пустым, как кружка, которую он держал, — мне придётся сказать ему, чтобы он не ставил. А я не хочу говорить ему, чтобы он не ставил. Я хочу, чтобы он ставил. Я хочу, чтобы кто-то ставил.

— Но ты должен быть первым, — сказала она.

— Нет, — сказал Мэтью. — Я хочу быть первым. Но я не должен.

Он допил чай. Поставил кружку на пень.

— Я не знаю, кто я без чайника, — сказал он. — Но я хочу узнать.

Он встал. Пошёл к лесу. За дровами. Один. Шаги стихли за деревьями.

Сандра осталась у костра. Смотрела на пустую кружку. На остывающий чайник. На щель в палатке Мэтью — приоткрытую, как всегда, на ладонь. Она не пересчитала кружки. Пятнадцать. Знала. Пятнадцать. И одна — та, из которой пил Итан в три часа ночи — стояла отдельно, чуть левее остальных.

Она смотрела на неё. Знала, что Мэтью ушёл в лес один. Знала, что Итан спал. Знала, что К кашляла. Знала, что Лиз спала. Знала, что Марта пила воду. Знала, что новенькие молчали.

Она знала всё. Кроме одного. Она не знала, вернётся ли Мэтью. И не знала, захочет ли она считать, если он не вернётся.

Щелчок. Один. Она ждала.

Щелчок. Два. Она не считала.

Щелчок. Три. Тишина.

Мэтью не вернулся. И она не знала, сколько кружек должно быть. И это было хуже, чем сбиться. Потому что сбиться можно было снова. А не знать — нельзя. Она стояла у пня. Считала. Три. Пять. Семь. Сбилась.

И поняла, что если Мэтью не вернётся, ей придётся считать всё сначала. Или вообще не считать. И она не знала, что хуже.

Глава 6. Верёвка

Дождь начался к полудню. Сначала редкие капли, тяжёлые, как камешки, которые бросают в воду. Они стучали по

брезенту, по пню, по металлу чайника — кап, кап, кап. Потом чаще, ровнее, пока звук не стал сплошным, серым, как небо.

Мэтью сидел у плиты. Чайник стоял холодный. Дрова под брезентом отсырели за ночь, и он не пытался разжечь огонь. Просто сидел, смотрел на свои руки. Ожог розовел на сером фоне. Он провёл пальцем по краю, где кожа была новой, тонкой. Не больно. Просто чувствуется. Лес за поляной молчал.

Итан вышел из палатки. Без куртки. Дождь сразу прибил волосы к голове, пропитал плечи. Он прошёл к костру, посмотрел на угли, которые шипели и гасли. Потом сел на пень напротив Мэтью. Между ними была плита. Холодная. Мокрая.

В руке у Итана была верёвка. Старая, потемневшая, с распущенными концами. Мэтью узнал её. Ту, что он видел в лесу три дня назад. Ту, что оставил между корнями и не взял.

Итан держал верёвку, не глядя на неё. Пальцы сжимали волокна, разжимались, сжимались снова.

— Где ты взял? — спросил Мэтью. Ровно. Без удивления.

— В лесу, — сказал Итан. — На тропе. Ты её видел. — Не вопрос. Точка в конце.

Мэтью ничего не сказал.

Итан смотрел на верёвку. На распущенные концы. На тёмные пятна, которые могли быть грязью. Или не грязью. Дождь стучал по его плечам, по голове, по рукам. Он не шевелился.

— Я не заменил её, — сказал Итан. Голос был ровным, но пальцы побелели, сжав волокна. — Я знал. Чувствовал пальцами. Нити лохматились. Но подумал: ещё один раз. Выдержит.

Мэтью молчал. Смотрел на его руки. На мозоли. Не от дров, не от топора. От верёвки. От того, что он держал. Днями. Годами. Держал и не отпускал. Пока не отпустил.

— Он сорвался, — сказал Итан. — Я стоял и смотрел. Руки были пустые. Я проверил узел. Но не взялся. Не схватил. Просто стоял.

Дождь бил по брезенту. Капли скатывались по лицу Итана, по подбородку. Он не вытирал.

— Кто? — спросил Мэтью. Одно слово.

Итан поднял глаза. Посмотрел на Мэтью. Плечи его опустились. Рот приоткрылся — не для слова. Для выдоха. Как будто три месяца ждал, что кто-то спросит. Три месяца ждал.

— Брат, — сказал он.

Тишина. Только дождь. Только капли по металлу, по брезенту, по коже.

— Я держал верёвку, — сказал Итан. Голос стал тише, но ровнее. — Он висел. Я держал. Минуту. Две. Три. Я чувствовал, как нити рвутся. Одна за одной. И я...

Он замолчал. Сжал верёвку. Пальцы дрожали.

— Я отпустил, — сказал он. — Не потому что не удержал. Потому что устал держать.

Он смотрел на свои руки. На верёвку. На волокна, кото-

рые когда-то держали вес. На тёмные пятна — пот, кровь, грязь, — он уже не разбирал.

— Три месяца, — сказал Итан. — Три месяца я проверял. Каждый узел. Каждую тропу. Думал, если проверю — удержу. Но я не удержал тогда. И сейчас не удержу.

Мэтью сидел. Дождь мочил его, стекал по лицу, по шее, по рукам. Ожог на ладони был влажным, но он не чувствовал боли. Только холод. И слова Итана давили. Три месяца. Держал. И не смог.

Он протянул руку. Медленно. Положил ладонь на верёвку. На пальцы Итана. Ожог коснулся мокрого волокна. Кожа была тонкой, новой, и он чувствовал каждую нить под пальцами. Не сжимал, не убирал. Просто держал.

Они сидели. Двое. Под дождём. Ладонь на верёвке. Без слов.

Ветка хрустнула у края поляны. Из леса вышла Марта. Без кружки. Без воды. Просто вышла, остановилась в трёх шагах от них, посмотрела на верёвку, на руки Итана, на лицо, которое было мокрым не от дождя.

— Ты отпустил верёвку, — сказала она. Тихо. Ровно. Слова легли и не всплыли. — Ты не имеешь права держать нас.

Итан не шевельнулся. Но правое плечо ушло вниз. Ниже, чем было утром. Ниже, чем обычно. Не поднялось обратно.

Она не ждала ответа. Повернулась и ушла в палатку. Полог захлопнулся за ней, и дождь снова стал единственным звуком.

Мэтью убрал руку. Верёвка осталась в пальцах Итана. Мокрая, бесполезная. Итан смотрел на неё, и его пальцы дрожали. Не от холода.

— Она права, — сказал Итан. Голос шуршал, ломался. — Я держал вас. Не как людей. Как узлы. Которые нужно проверить.

— Ты держал, потому что боялся, — сказал Мэтью.

— Я держал, потому что не знал, как иначе.

Он встал. Верёвка упала на мох, и дождь сразу начал заливать её, делая тёмной, тяжёлой. Итан не поднял её. Не посмотрел на неё. Просто отошёл к палатке, и его шаги были одинаковыми, как всегда. Но правая рука дрогнула, когда он проходил мимо пня. Не коснулась кружек. Прошла рядом. Как будто хотела поправить, но не позволила себе.

Мэтью остался один у костра. Верёвка лежала на мху, и дождь бил по ней, и она темнела, и нити начинали расплываться.

Он не поднял её.

Дождь усиливался. Вода стекала по его лицу, по подбородку, падала на руки. Ожог был розовым, и он смотрел на него, и чувствовал, как холод проникает в кости.

В палатке К закашляла. Не сухо, не коротко — глубоко, надрывно, с хрипом, который был слышен даже сквозь шум дождя.

Мэтью встал. Подошёл к палатке К. Остановился у входа. Итан стоял на коленях рядом с ней. Он держал её за руку.

К дышала с трудом, и кашель рвал её грудь, и она не могла остановиться.

— Я здесь, — сказал Итан. Голос был хриплым, как её кашель. — Я здесь.

К подняла голову. Посмотрела на него. Её глаза были мутными, но она видела.

— Ты не должен, — сказала она. Тихо. Почти беззвучно. — Ты не обязан держать всех.

Итан замер. Его пальцы сжали её руку. Потом разжались.

— Я не держу, — сказал он. — Я просто... рядом.

К закрыла глаза. Кашель стих не сразу — ещё один хрип, глухой, на дне груди. Потом дыхание стало редким, как счёт, который никто не ведёт.

Мэтью стоял у входа. Дождь бил по его спине. Он смотрел на Итана, который сидел на коленях, держал руку К. Без узлов, без троп, без счёта. Рядом. Просто рядом.

Сквозь дождь и тишину Мэтью слышал шаги. Не Итана, не Сандры, не Лиз. Кто-то шёл по лесу. Не по поляне. По лесу. С той стороны, где тропа уходила в глубину.

Шаги остановились у края поляны. Там, где трава кончалась и начинался мох.

Мэтью не обернулся. Стоял, смотрел на Итана и К.

Голос из леса. Тихий. Хриплый. Чужой.

— Ты не поставил, — сказал голос. — Они могут уйти.

Мэтью замер. Не дышал.

Голос не повторился. Шаги ушли. Дождь усилился, за-

крыл всё серой стеной.

Мэтью стоял у палатки К. Смотрел на Итана, который держал руку К, на её лицо, на её дыхание, которое было редким, но живым.

И знал: завтра он поставит чайник. Не потому что должен. Не потому что голос сказал. А потому что если он не поставит — никто не поставит. А если никто не поставит — К не выпьет. А если К не выпьет — она умрёт.

Он повернулся. Пошёл к плите. Чайник был холодным. Он взял его, налил воды, поставил на плиту. Под брезентом, у самой стенки, пара щепок осталась сухой. Зажёг огонь.

Металл начал нагреваться. Шёпот. Тихий. Нарастающий.

Мэтью стоял и смотрел на огонь. На дождь. На лес. На пустое место между стволами, где стоял кто-то, кто знал, что чайник остыл.

Чайник закипел.

Мэтью снял его, поставил на пень. Не разлил. Просто поставил.

Сел на мох. Рядом с перевёрнутой кружкой. И ждал.

Кто-то подойдёт. Или не подойдёт.

Он не знал.

Но чайник был горячий

Глава 7. Клетка

Дождь не кончался. Он просто становился другим — ровным, безликим, как счёт, который никто не ведёт. Мэтью сидел у плиты, смотрел на чайник, остывший ещё вчера, и слу-

шал, как вода стекает с брезента в мох. Капля. Пауза. Капля. Пауза. Он не считал их. Просто слышал.

Сандра вышла из палатки К. Лицо белое, волосы прилипли к вискам, руки в крови, которую она пыталась смыть ледяной водой. Не её — К. Кашель К стал влажным, глубоким. вода поднималась изнутри и не уходила.

Сандра села на мох напротив Мэтью. Ровно настолько, чтобы говорить, если есть слова.

— Ты не заходил к ней, — сказала она. Не спросила.

— Она не просила.

— Она не просит. Она никогда не просит. Она просто лежит и ждёт, пока кто-то войдёт. А ты сидишь здесь и смотришь на чайник.

Мэтью перевёл взгляд с чайника на неё. На её дрожащие руки, на пятна крови, которые она не смыла до конца.

— Ты входила.

— Я входила. Я сидела с ней. Держала её за руку. Считала её дыхание.

— Ты не считаешь.

— Я считала её дыхание, — сказала Сандра. — Я не могла не считать. Оно становилось реже, и я считала каждый вдох, потому что боялась, что следующий будет последним. И я не могла остановиться. Я не знала, как.

Она замолчала. Потёрла ладони, размазывая кровь, которая уже начала засыхать.

— Ты знаешь, что я делала, когда родился мой сын? —

спросила она. Голос стал тише и острее.

Мэтью не ответил. Он ждал.

— Я считала, — сказала Сандра. — Не его дыхание. Его молчание. Он не закричал. И я считала секунды. Три. Пять. Семь. Я думала, если я буду считать, он закричит. Если я досчитаю до десяти — он закричит. Я досчитала до пятидесяти. Он не закричал.

Она посмотрела на свои ладони. На засохшую кровь.

— Я считала его молчание. И не могу остановиться. Даже сейчас. Я считаю твоё молчание. Я считаю, сколько ты не говоришь. Я считаю, сколько она не кашляет. И я знаю, что это не держит мир. Но я не знаю, как остановиться.

Мэтью смотрел на неё. На её лицо, мокрое не от дождя.

— Ты думаешь, я не знаю, что такое считать? — сказал он.

— Ты не считаешь.

— Я считаю, — сказал Мэтью. — Я считаю, сколько раз я встаю. Сколько раз я ставлю чайник. Сколько кружек я наливаю. Я считаю, сколько людей смотрят на меня, когда я стою у плиты. И я знаю, что если я перестану считать — они перестанут смотреть. И я исчезну.

Он замолчал. Сжал пальцы на коленях, и ожог на ладони дёрнулся — не больно, просто напомнил, что он есть.

— Ты не исчезнешь, — сказала Сандра.

— Откуда ты знаешь?

Она не ответила. Не потому что не хотела — потому что не знала. Смотрела на его руки, на его лицо, пустое, как

кружка, в которую не налили.

— Ты клетка, — сказала она.

Мэтью не вздрогнул. Не отвёл взгляд. Просто ждал.

— Ты думаешь, что стоишь в центре, чтобы держать нас, — сказала Сандра. Голос её дрогнул, но не сломался. — А ты стоишь в центре, чтобы не дать нам уйти. Ты думаешь, что если ты уйдёшь — мы развалимся. Но мы разваливаемся от того, что ты стоишь и молчишь. Ты — клетка, Мэтью. Клетка, которая не запирается. Но не открывается.

Мэтью молчал. Он смотрел на неё, на засохшую кровь на её пальцах, и чувствовал, как что-то внутри не ломается — сдвигается. Как камень в ручье, который двигался, когда он не смотрел.

Мэтью сжал челюсти. Посмотрел на остывший металл плиты, потом снова на неё.

— Ты права, — сказал он.

Сандра замерла. Она не ожидала, что он согласится.

— Я клетка, — сказал Мэтью. — Я знал. Я не знал, как сказать. Не знал, как прекратить. Я стою у плиты, потому что не знаю, кто я без неё. Если я уйду — они перестанут смотреть. И я исчезну.

Он поднял руку, посмотрел на ожог. Розовый, почти заживший. Тонкая кожа, которая помнила боль.

— Я хочу уйти, — сказал он. Тихо. Почти беззвучно.

Сандра смотрела на него. Не отводила взгляд.

— Уходи, — сказала она.

— Ты не остановишь меня?

— Нет.

— Почему?

— Потому что если я остановлю тебя, ты никогда не узнаешь, кто ты без чайника. А если ты не узнаешь, ты будешь стоять здесь и считать, сколько кружек ты налил, до конца своих дней. И это не жизнь.

Мэтью смотрел на неё. На мокрое, спокойное лицо.

— А ты? — спросил он. — Ты узнаешь, кто ты без счёта?

Сандра не ответила. Она опустила взгляд к своим пальцам, к следам крови, которые не смывались.

— Не знаю, — сказала она. — Но я хочу узнать.

Из палатки К донёлся глухой, влажный спазм, от которого содрогался брезент. К закашлялась — тяжело, так, будто вода подступала к самому горлу. И в этом кашле было что-то новое. Чего не было вчера. Что не проходит.

Сандра встала, пошла к палатке. На полпути остановилась, обернулась.

— Ты не зайдёшь к ней? — спросила она.

— Она не просила, — сказал Мэтью.

— Она никогда не просит. Она просто ждёт.

Она вошла в палатку. Брезент колыхнулся и затих.

Мэтью сидел у плиты. Чайник был холодным. Дождь шёл. Капли падали на металл, и он слышал их звук — ровный, без перерывов, как счёт, который никто не ведёт.

Он думал о том, что Сандра сказала. О клетке. О том, что

он не открывается. О том, что он хочет уйти.

Он не знал, куда идёт. Не знал, сможет ли.

Но он знал, что если он не уйдёт — он никогда не узнает, кто он без чайника.

Кашель К затих. Тишина стала плотнее. И в этой тишине Мэтью слышал другой звук. Из леса. Тонкий, металлический — как прокол в брезенте. Один раз. Коротко. И тишина.

Он поднял голову, посмотрел на лес. Между стволами, в серой пелене, стояла фигура. Неподвижная. Она смотрела на него. И в руке у неё была кружка. Пустая. Дождь стекал по её плечам, но она не дрожала.

Мэтью встал. Сделал шаг к лесу. Фигура не двинулась.

Он шагнул ещё раз. И ещё. И вдруг понял, что идёт не к фигуре. Он идёт в лес. Просто идёт. Без рюкзака, без топора, без чайника.

Фигура исчезла. Но он продолжал идти. Мох под ногами хлюпал, ветки хлестали по лицу, дождь бил по капюшону. Он не знал, куда. Он просто шёл. Шёл, пока свет совсем не посерел, а мох не стал глубже.

И когда он остановился, он был в глубине леса, где стволы стояли так плотно, что не было видно неба. Он повернулся. Поляны не было видно. Деревья. Дождь. Тишина между ними.

Холод пробирался под куртку. Лес не прощает пустых рук. Он стоял, смотрел на пустоту между стволами, и чув-

ствовал, как что-то внутри разжимается. Как узел, который развязался сам.

Он не знал, вернётся ли.

Но он знал, что если он не уйдёт сейчас, то так и останется навсегда человеком, который просто ставит чайник.

В лесу было тихо. Дождь шёл. И где-то далеко, на поляне, К кашляла. Или не кашляла. Неважно.

Он пошёл дальше.

Глава 8. Дождь

Он проснулся от тишины. Не от той, что накрывает лагерь в три ночи, когда все спят. От другой. Когда кто-то перестаёт дышать. Мэтью лежал на спине, смотрел в брезент, слушал. За палаткой шёл дождь — ровный, серый, без перерывов. А внутри — пусто. Ни шороха, ни хрипа.

Он сел. Спина хрустнула, но он не стал ждать, пока мышцы отпустят. Встал. Нащупал сапоги. Пальцы сами нашли молнию.

Щель — два пальца. К сузила её. Он не поправил. Вышел.

Дождь ударил в лицо. Холодный, мелкий, колот щёки и веки. Палатка К стояла в двух шагах. Брезент провис, намок, прилип к земле. Мэтью не подошёл. Стоял, смотрел. Изнутри — ни звука. Ни кашля. Ни дыхания. Только дождь.

Сандра сидела у входа в палатку К на корточках, руки на коленях, пальцы сцеплены. Увидела Мэтью, подняла глаза.

— Она не дышит, — сказала Сандра. Голос ровный, но пальцы на коленях побелели. — Я проверила. Час назад. Ды-

шала. А теперь нет.

Мэтью подошёл. Остановился рядом. Заглянул в проём. К лежала на спине, лицо влажное, белое. Не серое. Белое. Глаза закрыты. Губы чуть приоткрыты. Грудь не поднималась. Или поднималась так слабо, что дождь на брезенте не давал разглядеть.

— Ты не позвала.

— Я не хотела, чтобы ты видел, как она умирает. Я хотела... чтобы ты увидел, когда уже всё. Не знаю зачем.

Мэтью смотрел на неё. На лицо К. На руки, которые лежали на одеяле — пустые, без иглы. Он не знал, где игла. Может, в палатке. Может, в ручье. Неважно.

— Она не кашляла, — сказал он. — Всю ночь. Я слышал. Тишина была громче кашля.

— Я знаю, — сказала Сандра. — Поэтому я и не спала.

Они стояли под дождём. Сандра — на корточках у входа. Мэтью — рядом, руки вдоль тела, пальцы сжаты. Дождь бил по его спине, стекал по шее, по позвоночнику, по спине, которая больше не ныла. Холод проникал под куртку, а он стоял.

— Её больше нет, — сказала Сандра. Тише, чем в первый раз.

— Да, — сказал Мэтью.

— Мы должны что-то сделать.

— Мы должны сидеть.

Сандра подняла голову. Посмотрела на него. Глаза пу-

стые, тяжёлые.

— Сидеть?

— Сидеть, — сказал он. — Пока дождь не кончится. Пока не поймём, что дальше.

Она медленно кивнула. Встала, отряхнула колени. Не заглянула в палатку. Отошла к пню, села на мох. Мокрый, холодный. Не встала.

Мэтью пошёл к плите. Чайник стоял холодный. Он не взял его. Прошёл мимо. Зашёл в свою палатку. Сел на спальник, смотрел на щель. Дождь стучал по брезенту — ровно, монотонно, как капли из крана, который забыли закрыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.